Профессор ШИЛЬДЕР

СУЩНОСТЬ ГИПНОЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПСИХО-НЕВРОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ И
ГОСУДАРСТВ. РЕФЛЕКСОЛОГ. ИНСТИТУТА
ПО ИЗУЧЕНИЮ МОЗГА
Ленинград, Петровская ул., д. 3-а.
1926 г.

Профессор ШИЛЬДЕР

СУЩНОСТЬ ГИПНОЗА

под редакцией, с предисловием
Прив.-доц. МЯСИЩЕВА, В. Н.

Перевод К. П. Леонович

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПСИХО-НЕВРОЛОГИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ И ГОСУДАРСТВЕНН.
РЕФЛЕКСОЛ. ИНСТИТУТА ПО
ИЗУЧЕНИЮ МОЗГА.
ЛЕНИНГРАД, Петровская, 3-а.

Ленинградский Гублит № 5657. Зак. 652. Тираж 5 000.

Тип. газ. «Вестник Ленинградского Совета», 2-я Советская, д. № 7.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В гипнозе много материала, мало хорошо проанализированных фактов и совсем нет теории. По отношению к таким проблемам, как гипноз возможности теоретических построений растут в связи с развитием основных дисциплин, связанных с вопросом изучения личности. За последнее время в этой области отмечается значительное движение вперед.

Во первых, много сделано в отношении учения о функциях головного мозга, при чем большой успех достигнут в изучении физиологии, как подкорковой части мозга, так и коры его. Дальнейшие успехи стоят в связи с признанием необходимости об‘ективного изучения личности, теоретические и методические требования которого развиваются рефлексологией. Научное толкование гипноза должно опираться на достижениях в этой области.

Нельзя не упомянуть еще об одном течении, выходящем из рамок строго академического исследования, внесшего однако не мало ценного в изучении личности.

Мы имеем в виду концепцию психонализа подходящего к той же проблеме изучения личности с другой стороны. Пока достижение точных методов ограничены простыми явлениями, а жизнь все время сталкивает нас со сложными проблемами человеческой личности, психоанализ, взглядам которого близок автор, идет навстречу глубокой потребности и сохраняет свое жизненное значение. Важно только, чтобы он в своих построениях соответствовал положениям точных наук, и свои попытки истолкования связал с основными положениями рефлексологии.

Автор ставит своей задачей сближение психологии с биологией. Конечно это намерение может встретить самое положительное отношение. Западная Европа далеко еще не изжила психологического суб‘ективизма. Рефлексология народилась и развивается у нас. Трудно надеяться, что мы получим там значительное приближение к намеченной цели. В рассмотренной книге помимо ряда оригинальных опытов и соображений ценно то, что она в постановке и в подходе к разрешению ряда проблем стоит на уровне современной психоневрологии, опираясь и на клиническую патологию и на лабораторную физиологию. И если автор по системе своих понятий остается еще в области суб‘ективизма, ценный фактический материал все-же может быть систематизирован в плоскости об‘ективных понятий и способствовать переводу учения о гипнозе на позитивную почву.

Для того, чтобы читатель мог сохранить об‘ективную позицию по ходу текста, мною сделаны краткие ориентировочные примечания.

Приват-доцент В. Мясищев.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Даже в самых капитальных трудах по гипнозу я не смог уловить попытки согласовать психологическую и биалогическую точки зрение. Вследствие этого гипноз часто принимается за феномен лежащий вне области биологии. По этому является вполне необходимым вместить факты гипноза в рамки основных воззрений психологии и биологии [1]). Предлагаемая статья представляет собой экстракт из лекций, читанных мною в Венском Университете. Я старался, чтобы мое изложение было доступно и образованным не специалнстам, желающим расширить свои познания в вопросе имеющем всеобщий интерес и близко соприкасающемся с великой проблемой человечества.

---

1) В сущности гипноз всегда трактовался психологически и задача научной систематизации и об'яснения состоит в том, чтобыв освещении проблем гипноза опереться на материал общей биологии, нервной физиологии и рефлексологии. (В. М.).

1. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И ВОСПРИЯТИЕ [1].

Мир восприятий загипнотизированного изменен. Он видит вещи, которых нет, и по приказу гипнотизера не воспринимает действительности. Изменения эти распространяются как на окружающую среду, так и на его собственное тело. Правда и в нормальном состоянии один человек может вызвать в другом любое представление, но он не сможет заставить этого другого человека ощутить, воспринять представление, как действительность. Восприятие остается вне его власти. Каким образом, однако, это обычное представление во время гипноза становится восприятием?

Представление и восприятие связаны между собой рядом последовательных переходов. Если я предложу испытуемым закрыть глаза, живо и наглядно (оптически) представить себе свои руки в трижды увеличенном виде, то у каждого из них в связи с этим представлением возникают суб'ективные ощущения осязательного характера, наприм.: рука словно раздувается, она напрягается, она становится тяжелее. Возникает ощущение, идущее как бы изнутри. Другой случай, — испытуемым предложено представить себи лишенным левой руки. Тогда

[1]) Не имея в виду ни критиковать, ни исправлять взглядов автора опирающегося как указано на систему психологических понятий необходимо отметить, что с точки зрения об'ективного подхода к личности область восприятий и представлений в отличие от области движений не является предметом нашего непосредственного опыта. Для об'ективиста слово „восприиимает" имеет тот смысл, что наблюдаемый дает показания об известных предметах (комплексах раздражений и отдельных раздражениях), и сообразуется с ними в своем поведении.

Смысл этой главы более всего требующей об'ективного истолкования заключается в том, что символическое воздействие (внушенное представление) не дает изолированного эффекта, а связывается со всем опытом, орьентировкой личности, преобразуя его в сложных комплексах и в элементах (ср. пример показаний о ширме, становящейся прозрачной или показаний о зуде). (В. М.).

получаются такие показания: испытуемый видит себя сидящим без руки, рука смещена назад, она отрезана у самого плеча. В то же время эта отрезанная рука ощущается „теплой и тяжелой“, или „искусственная рука ощущалась тяжелее и привлекала внимание больше, чем нормальная“. Другие вообще не ощущают „несуществующей“ руки и испытывают на соответствующем месте чувство похожее на ломоту. Итак, произвольно выбранные представления влекут за собой странным образом ощущения (восприятия), которые сводятся к восприятиям своего собственного тела. Возможны, наоборот, и такие случаи, когда актом представления подавляются ощущения возникающие в теле. Сюда же относится известный в повседневной жизни факт ощущения зуда при упоминаниях о паразитах.

Однако и явления внешнего мира могут изменяться благодаря акту представления. Если поставить перед испытуемым непрозрачную ширму и вызвать в его воображении яркое представление какого нибудь предмета, хотя бы вазы, стоящей за ширмой, (способность воображения обычно повышается, если показать, что за ширмой действительно стоит такая ваза), то восприятие самой ширмы претерпевает изменение, одним она начинает казаться прозрачной, у других совсем исчезает кусок ширмы и в образовавшемся просвете они „видят“ (представляют себе) вазу.

Американские авторы утверждают, что при известных условиях нельзя отличить зрительного представления от зрительного восприятия. Когда находившиеся в темноте испытуемые ожидали увидеть жемчуг матового отблеска, они видали его даже тогда, когда никакого жемчуга им не показывали. В этом случае собственное воображение принималось за действительное восприятие. Наоборот бледное изображение апельсина (действительное восприятие) принималось при надлежащих условиях опыта за собственное воображение.

Наконец, если у какого нибудь человека раздражать аппарат заведывающий равновесием, который находится в лабиринте, вращением испытуемого на вращающемся стуле или спринцеванием его уха холодной или теплой водой, то он испытывает головокружение, связанное с определенным впечатлением кажущегося вращения предмета. Если заставить испытуемого, закрыв глаза, представить себе ряд предметов и затем спринцевать ухо, то представляемые предметы прийдут в кажущееся движение.

Поэтому можно сказать, что между представлением и восприятием много общего и переход от одного к другому может вызываться психическим процессом воспринимающего.

2. ТЕЛЕСНЫЕ ОСНОВЫ ГИПНОЗА.

Когда гипнотизируемый говорит, что мир его восприятий так или иначе изменился, у нас нет достаточных доказательств того, что его ощущения соответствуют его показаниям [1]). Сомневались также—с моей точки зрения несправедливо—в том, что переживаемое в гипнозе имеет характер восприятий. Однако гипноз способен даже вызывать реальные изменения в самом организме гипнотизируемого. Например, изменения в области сна, сердца, кровеносной системы и вообще в системе гладких мышц. Гипноз может влият на менструации и на деятельность кишечника.

Гипнотизируемый спит. Ничто не указывает на то, чтобы этот сон отличался от естественного сна. Веки его постепенно смыкаются, иногда он вздрагивает, как в полусне, просыпаясь он протирает глаза и удивленно осматривается. Время нужное, чтобы придти в себя по пробуждении, как и у спящих бывает разной длительности и картина при этом разной степени выраженности. Самочувствие соответствует самочувствию сонного. Одной из моих пациенток было приказано увидеть дерево, в тоже время у ней было вызвано головокружение путем промывания уха; головокружение вызвало галлюцинацию, которая слилась в одно общее впечатление: „рубят дерево". При неожиданном пробуждении (резком) гипнотизируемый испытывает головокружение, головную боль, тошноту, что наблюдается и при резком пробуждении от обычиого при т. н.

Итак, в гипнозе состояние сна достигается путем психического воздействия. [2]) Разумеется это психическое влияние должно приводить в действие какой нибудь телесный аппарат. Этот аппарат нам известен: он находится вблизи 3-его желудочка. В клинической картине Encephalitis lethargica наблюдается

---

[1]) Весьма важно в связи с только что сделанным примечанием (В. М.).

[2]) «При т. наз. психическом» воздействии или влиянии речь очевидно идет о воздействии помощью символических актов — внушений словами или пантомимическими знаками (В. М.).

растройство сна. В целом ряде случаев имеет место сонное состояние, длящееся неделями, иногда месяцами. Любопытно то, что часто эта сонливость сменяется упорной непобедимой бессонницей, причем чаще всего она преследует больного ночью, в течении же дня наблюдается сонливость. Итак мы здесь имеем дело с органическим нарушением типа сна. В этих случаях вышеназванный отдел мозга оказывается особенно сильно пораженным. К этому же выводу приводит и целый ряд патологических исследований.

Конечно, в аппарате сна разных людей наблюдаются существенные индивидуальные различия. Независимо от случайных условий бывают люди с хорошим или дурным сном, причем чаще всего это зависит от прирожденных или унаследованных органических свойств аппарата сна. Людей, обладающих хорошим сном, легче приводить в состояние глубокого гипнотического сна, конечно и здесь большую роль играет состояние самого аппарата. Я знаю случаи, когда пациенты не впадая в глубокий гипнотический сон, представляли ярко выраженную картину мышечной оцепенелости. Причиной этого часто бывает недостаточность психического воздействия, а малая впечатлительность аппарата сна. Необходимо твердо помнить что проявление гипнотического действия на организм зависит с одной стороны от физического состояния, а с другой—от степени психического влияния. Это положение лежит в основе понимания гипнотических явлений.

Важно тоже не упускать из виду, что хотя гипноз и вызывает сон, но общее психологическое состояние сильно отличается от состояния нормального сна. Гипнотизируемый находится в своеобразной зависимости от гипнотизера. Это могло казаться непонятным, если бы мы не знали, что и спящий не теряет контакта с внешним миром. Спящий не погружается целиком в свой сон—всегда остается стража и эта стража заботится о своевременном пробуждении при сигналах грозящей опасности. Это активное участие индивидуума хорошо проявляется в примере мельника, просыпающегося при прекращении шума мельничных колес. Вся разница только в расстановке стражи у гипнотизируемого и у спящаго. Любопытно то, что и у спящего можно вызвать перестановку стражи. С некоторыми людьми, обладающими хорошим сном, можно во время их сна установить контакт. В таких случаях вызванный на

разговор спящий наделяет своего партнера властью и значением гипнотизера,—он выдает ему тайны и повинуется безрассудным приказам, которые он выполняет по пробуждении. К рассмотрению этих фактов мы еще вернемся.

Понятно, что бодрствующая и спящая части личности не находятся в постоянных отношениях. Гипнотизер постепенно может извлекать из области сна все большие части душевной жизни,—в этом то и состоит переход к гипнозу в бодрствующем состоянии.

Встречаются суб'екты, легко впадающие в глубокий сон, но тем не менее мало податливые другим формам гипноза. Итак, способность засыпать по приказу вовсе не влечет за собой, как следствие, способности претворять в своем организме действия другого рода внушений. Отдельные аппараты мозга, очевидно, индивидуально реагируют на психические воздействия. Так например, очень редко встречаются суб'екты, на теле которых можно путем внушения вызвать ожоги. В этих случаях вазомоторный аппарат особенно лябилен.

Показательны тоже в гипнозе явления со стороны двигательного аппарата. Большинство гипнотизируемых впадает в состояние полного расслабления мышц, меньшинство же в состояние крайней мышечной оцепенелости. Агонисты и антагонисты иннервируются в равной мере и конечность остается в любом приданном ей положении (каталепсия). В это состояние гипнотизируемые впадают самопроизвольно, хотя бы приемы гипнотического влияния и не были направлены в сторону именно такой формы нарушения двигательных способностей. Я думаю, что в основе этого явления лежат физиологические особенности центрального двигательного аппарата. Впрочем переводить пациента из гипотонического состояния в гипертоническое не представляет особенных трудностей.

Скажем несколько подробнее о тех мозговых аппаратах, которые находятся в связи с рассматриваемыми явлениями. Заболевания системы чечевичного ядра и полосатого тела стриопаллидарной системы влекут за собой изменение в мышечном тонусе. Близкое сходство этих изменений с гипнотической гипертонией дают возможность считать, что гипноз действует именно на этот участок мозга. В филогенетическом отношении этот участок представляет очень древнее образование. Здесь мы впервые находим указание на то, что гипноз

вызывает явления, зависящие от изменения деятельности функций мозга давнего происхождения.

По всей вероятности местом приложения действий гипноза главным образом являются участки мозга, расположенные вблизи промежуточного и продолговатого мозга; так же как и система полосатых тел и зрительных бугров, они сосредоточены вокруг 3-го желудочка. Здесь же заложены центры иннервации кровеносной системы и вообще гладких мышц; отсюда же регулируется обмен веществ и секреторная деятельность желез. По всей вероятности здесь находится и один из узловых пунктов сексуальности. Нарушения в этой области влечет за собой картину заболевания Dystrophia adiposogeritalis ожирение, расстройство половых функций (импотенцию, разстройство в менструациях, изменеиие вторичных половых признаков). Одним словом здесь сосредоточены все функции иннервируемые симпатической и парасимпатической нервной системой.

В связи с этим очень важно отметить, что согласно новейшим исследованиям, некоторая, еще не вполне определенная, часть мышечной иннервации, в особенности тоническая (мышечное напряжение) происходит за счет симпатической — парасимпатической системы; отсюда возникло предположение, что система полосатых тел является центром такого рода мышечной иннервации. Итак, возможности телесного влияния в гипнозе можно свести к сравнительно простой формуле: гипноз действует на центры симпатической парасимпатической нервной системы, локализированные вокруг 3-го желудочка. Эти части старые в филогенетическом отношении лежлт не на поверхности мозга, но погружены в глубину его.

Конечно, эта формулировка далеко неисчерпывающая, ибо ранее уже было отмечено, что гипноз делает человека способным точно воспринимать в соответствии с волею гипнотизера. Но функция восприятия имеет несомненно отношение к филогенетически более молодым частям мозговой коры. Вообще можно сказать, что наиболее низкие ступени духовного развития отличаются легкостью переходов от представления к восприятию. Это верно, как и для детей, которые вообще склонны воспринимать свои фантазии за реальность, так и для примитивного человека, а следовательно это верно для онтогенетически и филогентически мало развитого мозга.

В дополнение к этому можно сказать, что с помощью гипноза деятельность коры мозга может быть снижена на более примитивную ступень. Конечно, эти сопоставления схематичны, ибо отношение функций восприятий и представлений к мозговой коре установлены далеко еще неполно. Особенно интересно в этих отношениях то, что легче всего поддаются внушению те ощущения, которые наиболее связаны с (примитивными) общими ощущениями (тепло, холод, запах).

Однако, надо стараться избегать односторонности суждения. Опыты, поставленные мною совместно с Бауером привели меня к выводу, что функции мозжечка тоже могут изменяться вследствие психического воздействия. Суб'екты, которым было внушено ощущение головокружения, реагировали на него движениями, тождественными с теми, которые обычно наступают при нарушении функций мозжечка и связанных с ним аппаратов. Впрочем, и здесь наблюдались всевозможные отклонения, указывающие на соматически обусловленные различия соответствующих мозговых аппаратов.

Думаю, что вряд ли найдется такой участок мозга, который бы не поддавался психическому воздействию, но мне кажется, что для этого вообще нет необходимости допущения действия через кровеносную систему. Однако, в мозгу имеются места особенно легко воспринимающие психические влияния.

Существует принципиальная независимость отдельных аппаратов мозга в отношении их податливости психическому раздражению. Нужно, однако отметить, что воздействие на аппарат сна создает изменение в условиях влияния на другие функции,—так во время сна повышается способность к галлюцинациям и изменяется реактивная способность симпатико-парасимпатической нервной системы. Сон вызывает также значительные изменения в двигательном аппарате. В одном случае, при котором анатомическое обследование обнаружило изменения в мозжечке, мышечные подергивания наступали только перед засыпанием. Нельзя забывать, что даже самый глубокий сон не является гарантией стойкости и действенности постгипнотического внушения.

Явлениям гипноза нельзя приписывать значения отдельных курьезов, ибо здесь действует общий закон: все те действия, которые производит гипноз, могут быть вызваны и аффектами. Каждое обращение, каждое положение, каждый импульс чело-

века протекает в связи с характерными изменениями в сосудистой системе и в дыхании. Секреция желез (слюнных, желудочных и т. д.) зависят от произвольно выбранного представления и от того положения, которое индивидуум займет по отношению к представлениям и ощущениям. Известно и бросается в глаза мощное влияние полового возбуждения на организм. Вообще, можно сказать, что явления гипноза зависят от инстинктивных установок и их действия. В наших же влечениях продолжает жить вся история нашего рода. Итак, биологические данные приводят нас к заключению, что действия, которые обычно вызываются аффектами, в гипнозе обусловливаются благодаря особой инстинктивной установке. Излишне добавлять, что те явления, которые вызываются в организме гипнозом, совпадают с теми, которые наблюдаются при неврозе.

Нет ничего удивительного в том, что центральное место аффективности заложено в филогенетически древних частях мозга, ибо инстинкт и направление личности принадлежат к неот'емлемым свойствам живого существа.

3. СОСТОЯНИЕ СОЗНАНИЯ У ЗАГИПНОТИЗИРОВАННОГО. ПАМЯТЬ И ГИПНОЗ [1]).

Изучение гипноза дало возможность проникнуть в сущность нормального сна. Большое значение для наступления сна имеет желание сна. И гипнотик засыпает делая волю гипнотизера своей собственной. Практика гипноза показывает, однако, что это желание должно подкрепляться аффектом, ибо интеллектуальное желание и воля в данном случае недостаточны. Неспособность „невротиков" к засыпанию зависит не от расстройства сознательного желания сна, а от расстройства инстинктивной воли. Само собой понятно, что сон не может наступить, хотя бы и при наличии потребности, но при отсутствии биологического соответствия (Ansprechbackeit) в аппарате

[1]) Сознание есть ничто иное, как способность давать отчет в окружающей действительности и сообразовать с ней свое поведение.

Об'ем сознания — количество подотчетных об'ектов, и со стороны количества об'ектов, состава их, соответствия поведению, способность к отчету в разных состояниях в частности в гипнозе и в бодрственном состоянии в отношении к гипнотическому колеблется. (В. М.).

сна. Снотворные средства, утомление, интоксикация, разумеется, отчасти действуют на органический аппарат сна.

При гипнозе часто наблюдаются расхождения инстинктивного и сознательного желания сна. Невротики горячо желающие гипноза, не могут заснуть, между тем как некоторые суб'екты, сопротивляясь гипнозу, впадают в глубокий сон, явно против своей воли. Важно знать, есть ли налицо условия, которые необходимо еще исследовать, для инстинктивного желания сна [1]).

Еще большее значение имеют явления гипноза для изучения природы памяти. В большинстве случаев глубокого гипноза наблюдается отсутствие воспоминаний о пережитом под гипнозом. Выяснилось однако, что эти воспоминания исчезают отнюдь не бесследно и могут быть восстановлены либо при дружеском убеждении или какими нибудь сугестивными мерами или повторным гипнозом.

Путем соответствующего приказа эти восстановленные воспоминания могут переводиться из области гипнотического сознания в сознание бодрствующее. Но случается, что забытое всплывает в памяти и самопроизвольно,—например: испытуемые видят сны, соответствующие пережитому под гипнозом и забытому по пробуждению. Иногда гипнотические воспоминания проявляются, как свободно возникающие мысли (freie Einfülle), источники которых для самых испытуемых остаются неизвестными. Особенное значение имеют те случаи, когда прежде непомнивший суб'ект, почему нибудь расставшийся со своим гипнотизером, начинает отрицать, что он когда либо находился в состоянии гипноза и в доказательство приводит все те воспоминания, которые раньше ускользали от его бодрствующего сознания. Отсюда становится очевидным, что бодрствующее сознание не теряет гипнотических переживаний, но в угоду гипнотизеру отгораживается от них и вытясняет их. Кстати замечу, что вообще путем гипнотического или постгипнотического приказа легко из'ять из сознания не только любое

---

1) Это деление на волю инстинктивную и сознательную очень хорошо демонстрирует методическую порочность и опасность суб'ективно-психологического подхода. Сложные условия заменяются одним понятием. Вместо того, чтобы анализировать их мы удовлетворяемся обманывающей нас ссылкой на волю, при чем, когда это не помогает, то мы пускаем в ход вторую волю, которая может по отношению к первой действовать в противоположном направлении (В. М.).

воспоминание, но даже реальное восприятия (явление отрицательной—негативной—галлюцинации) [1]).

Невольно напрашивается вопрос: почему же вообще испытуемый забывает свои гипнотические переживания? Ведь нередко наблюдаются состояния глубокого гипноза и без наступления спонтанной амнезии (отсутствия воспоминаний). Мне кажется, что возникновение амнестических ограничений являются следствием психологического представления, что человек не помнит того, что он пережил во сне. Примем во внимание, что и в случае нормального глубокого сна человек не помнит того, что он говорил во сне. Однако, затрудненное всплывание воспоминаний зависит также от своеобразности гипнотического состояния, которое и находит себе наглядное выражение в амнезии. К тому же возможно, что гипнотизируемый стыдится той глубокой зависимости от гипнотизера, которую он обнаружил во время гипноза и амнезией как бы отвергает ее.

Влияние пережитого под гипнозом не зависит от установления амнестических ограничений. Я заставлял в состоянии гипноза заучивать наизусть стихи. По пробуждении испытуемый не узнавал выученного стихотворения, но тем не менее вновь заучивал его с из ряду вон выходящей легкостью. (Требовалось от 1—2 повторений при норме 6—7 повторений, причем до и после гипноза устанавливалось, что испытуемый не обладал выдающейся памятью.).

Достаточно хорошо известно, что воспринятые в состоянии гипноза приказы исполняются испытуемым по пробуждении, даже в тех случаях, когда эти приказы бессмысленны или противоречат его характеру. Любопытно то что в этих случаях амнезия является почти необходимым условием. Я наблюдал пациентов, которые подчиняясь приказу, отвечали на вопросы бессмысленным рукоплесканием и это длилось до тех пор. пока не устранялась амнезия. В других случаях действие постгипнотического приказа исчерпывалось само собою. Нельзя, однако, отрицать могущественного влияния и таких постгипнотических приказов, которые не скрыты амнезией.

---

[1]) Поведение гипнотизируемого во время отрицательной галлюцинации весьма характерно: он вперяется взглядом в пространство, боязливо избегает смотреть на тот предмет, который он не должен видеть. Другими словами: чтобы облегчить себе подавление восприятия, он изменяет свой механизм психомоторной установки.

Однако, большое теоретическое значение имеют факты, которые учат, что постгипностические приказания исполняются вопреки амнезии, ибо эти факты указывают на то, что мы можем вовсе не сознавать мотивов своего поведения. Так, испытуемые не знают, что те или иные их поступки являются следствием воспринятого ими приказа, наоборот, в оправдание их они приводят разные доводы, как например: им вдруг захотелось поступить так, им это взбрело в голову, кто то подал им знак и т. д.

Отсюда вывод: предшествующие переживания определяют наличные переживания без того, чтобы эта зависимость и сами предшествующие переживания были налицо в сознании. Динамическая значимость предшествовавшего воздействия все же не вполне определяет окончательное действие, имеются, например, суб'екты, неисполняющие постгипнотического приказа, если он слишком противоречит их характеру. Было бы, однако, неправильным приписывать эти явления неполноте динамического значения приказа, центр тяжести падает здесь на противодействующие силы. Я наблюдал следующий компромис между приказом и противодействием: пациентке было внушено по пробуждении отвечать на вопрос: „как вы поживаете?" троетракным рукоплесканием. Удовлетворяя этому приказу, она смущенно потирала руки и затем трижды слегка ударяла ими. В целом получалось впечатление соответствовавшее и естественному и затрудненному движению. Эта реакция повторялась до тех пор, пока не устранялась амнезия.

Как в области телесной действие определяется не одной „Силой внушения", но и состоянием соматического аппарата, так и в области душевных явлений для осуществления данного в гипнозе приказания или переживания важно общее динамическое состояние.

Отклонение, ведущее к забвению проявляется не только в гипнозе. Такие вытеснения случаются и в повседневной жизни, особенно легко удаляются из сознания те переживания, которые носят неприятный или невыносимый характер. Но и эти переживания сохраняют свое динамическое значение, проявляются отчасти в компромисных образованиях и могут обнаружить свое динамическое значение тем, что под гипнозом они вновь всплывают и возвращаются в область сознания. В этом и состоит катартический метод Breuer'a u Freud'a, по-

мощью которого удалось в целом ряде случаев устранить невратические симптомы, компромиссных образований между внутренним переживанием и вытесняющей установкой.

Сумеречное состояние сознания истеричных по своей формальной структуре вполне соответствует состоянию глубокого гипноза, с последующей амнезией и наступает в тех случаях, когда суб'ект подавляет какую нибудь невыносимую действительность и спасается в мире своих фантастических желаний. Вспомним, что в начальной стадии гипноза лежит желание сна, заключающее в себе отречение от переживаний действительности. Но если гипноз осуществляется благодаря соотношению между гипнотизируемым и гипнотизером, и благодаря тому, что воля гипнотизера оживляет обстановку, то в случае истерического сумеречного состояния мы имеем дело с собственными ранее подавленными желаниями, которые создают соответственную картину.

Встречаются такие формы гипноза, в которых эти различия совершенно сглаживаются. Суб'ект, оторванный от действительности начинает выходить из под влияния своего гипнотизера и на сцену выступают освободившиеся влечения совершенно также, как и в случае истерического сумеречного состояния. В самых легких случаях при этом наступает длительный сон, который не поддается воле гипнотизера, и который вытекает из того же источника как и влечение ко сну у нервных. В худшем же случае развиваются пестрые галлюцинации, свойственные сумечечному истерическому состоянию. Один из моих пациентов побил неопытного гипнотизера. Впоследствии выяснилось, что здесь всплыли воспоминания прежних гипнотических сеансов, во время которых пациенту внушалось изображать взбешенного. Итак встречаются гипнотические состояния, содержащие в себе скрытые комплексы (аффективно окрашенные переживания), и близко соприкасающиеся с истерией. Тем не менее совершенно ошибочен взгляд на гипноз, как на искусственно вызванную истерию, ибо психологические основы гипноза совершенно другие. Правда, и то и другое состояние вытекают из области аффективного, из области инстинктов, но гипнотизируемый насыщает свою аффективность от гипнотизера, тогда как истерик разряжает свою аффективность в определенных комплексами образованиях.

В дальнейшем изложении мы будем называть нормальное состояние человека—первым состоянием, а гипнотическое—вторым (état second). Во втором состоянии индивидуум отнюдь не утрачивает своего прежнего опыта. Если пациенту под гипнозом внушено, что он находится не в обычной обстановке аудитории, а на лоне природы, где он может свободно передвигаться, то все же загипнотизированный не будет натыкаться на столы и стулья, а напротив, будет старательно обходить их, подавленная повседневная жизнь все же продолжает восприниматься. Так же легко доказать и то, что первое состояние психически, имеется на лицо и в том случае, когда пациент, находясь во втором состоянии, повидимому совершенно забыл о первом. Так, при свободно возникающем переживании или неожиданном окрике наступает аффективная реакция, которая может быть об'яснена только в связи с переживаниями бодрственного состояния. Эту аффективную реакцию можно обнаружить и об'ективными методами—кривой дыхания, психогальваническими феноменами и т. д. Иногда явления первого состояния воспринимаются (появляются) в кристалле, поставленном перед пациентом. Подобные же отношения существуют между мнимо — забытыми переживаниями второго состояния и бодрствующим сознанием. Знаменитые случаи так называемого раздвоения личности (double conscience) можно понимать только с этой точки зрения. Вытесненное дано в другой форме (Gegebenheitsweise) и оказывает не меньшее влияние. О настоящем раздвоении личности не может здесь быть и речи.

Вследствие этого необходимо принять, что в каком то уголке своего сознания гипнотизируемый хранит знание того, что он находится в состоянии гипноза и воспринимает и не воспринимает, переживает или не переживает что либо по приказу гипнотизера. Так же и спящий сознает, что он спит, видящий сон сознает, что он видит сон. И в том и в другом случае сон может прерваться, если общая ситуация становится невыносимой или угрожающей. При внушении суб'екту поступка, он или уклоняется от выполнения приказа, или просыпается. Ни в каком случае гипнотизируемый не является безвольной игрушкой в руках гипнотизера. Общая психологическая картина отношений испытуемого к экспериментатору всегда оказывает влияние на исход опыта и предрешает степень податливости гипнотизеру,

Само же отношение определяется отнюдь не исключительно гипнозом. Напротив того, весьма еще гадательно является ли даже гипноз его существенным фактором. Наоборот, можно сказать, что общее психологическое отношение заключает в себе условия для наступления гипнотического состояния. В этом можно искать ответ на вопрос—возможно ли путем гипноза принудить человека совершить преступление? Да, можно, но только в том случае, если человек имеет склонность к нему. К тому же очень характерно то, что в мнимом преступлении под гипнозом всегда появляются аффектные установки индивидуума,—например загипнотизированный способен направить мнимый выстрел только против несимпатичного ему человека. При разборе всех лабораторных опытов никогда нельзя забывать, что так или иначе, испытуемый знает, что его гипнотизируют; правда, степени этого сознания очень различны; в тех случаях гипноза, в которых существует тесное отношение ко сну, состояние его сознания особенно сильно приближается к состоянию сознания спящего и степень сознавания гипноза очень мала. Но зато в этом состоянии испытуемый меньше всего способен совершать более или менее сложные поступки и даже воспринимать соответствующие приказы. Ясное же и связное понимание нормального приближает сознание загипнотизированного к бодрственному сознанию. В таких, однако случаях сознание гипнотизируемого должно быть направлено на более или менее ясные представления и состояние сознания приближается к сознанию актера; иначе говоря, гипнотизируемый в угоду гипнотизера разыгрывает комедию. Такое впечатление и выносит неопытный зритель от показных гипнозов и гипноза профессиональных медиумов. И все же во всех формах гипноза проявляются все степени (градации) истинных переживаний. Не надо думать что сходство поведения под гипнозом с игрой на сцене, о котором я только что упоминал противоречит тому физиологическому толкованию, которое я положил в основу явлений гипноза. Нельзя думать, что физиологическое состояние актера не испытывает влияния тех аффектов, которые он изображает по роли. Ведь и актер может проливать слезы, а это уж физиологическое следствие изображаемого аффекта. Вероятно им переживаются и такие моменты, когда подобно загипнотизированному, он подавляет свою повседневную личность.

Итак, мы сделали попытку понять состояние сознания загипнотизированного. Без этой предварительной работы мы не могли бы проникнуть в сущность феноменов памяти, проявляющихся в гипнозе. Загипнотизированный ничего не теряет ни из своей памяти ни из своей личности, ни из своих переживаний,—он только вытесняет и отстраняет нечто. Это вытеснение не является сознательным „я хочу", а лишь инстинктивной установкой, аффективным отношением. Вся совокупность нашей душевной жизни полна таких всевозможного рода отношений и эти отношения биологически обоснованы. Новейшая психология называет их детерминирующими тенденциями, благодаря им некоторые поступки, совершенные в определенной обстановке могут повторяться при возникновении аналогичных условий. Остальные же возможности или совсем не всплывают в сознании, или не выбираются им для выполнения. В этом смысле можно сказать, что каждое переживание отчасти изменяет наше биологическое состояние. Итак, детерминирующие тенденции не только определяют поступающий материал воспоминаний, но еще и выбирают его.

Раз совокупность наших переживаний полна таких действий, то очевидно, целый ряд воспоминаний должен постоянно оттесняться. В этом отношении гипноз только более грубо выявляет тот процесс, который лежит в основе повседневного забвения. Это, в сущности, доказывает ничто иное, как то, что подлинного забвения вообще не существует. Возьмем такой пример: заучив наизусть стихотворение, мы уже не помним разницу в переживаниях связанных с отдельными повторениями (хотя бы между 7-м и 10 м), причина этого вовсе не в ускользании от переживаний 7-го и 10-го повторений, а в отсутствии биологического интереса такой дифференцировки. Вполне вероятно, что даже много лет спустя, под влиянием благоприятного аффекта эти ощущения могут всплыть во всей своей полноте. Торможение одних воспоминаний другими аналогичными — главное условие так называемого забвения — зависит от недостатка биологического интереса к дифференцировке.

Прежде предполагали, что эпилептик во время сумеречного состояния испытывает ряд переживаний, совершенно ускользающих от бодрствующего Я. В этом явлении можно было бы видеть утрату психических переживаний. Однако, те-

перь в целом ряде случаев удается устранить эту амнезию эпилептического состояния. В других случаях мне удалось доказать с помощью вышеупомянутого метода сохранения, что между переживаниями в сумеречном состоянии и переживаниями в состоянии нормальном не существует разрыва. Во всех обследованных мною случаях, помощью соответствующих приемов можно было переводить переживания из сумеречного состояния в состояние бодрственное; приходится лишь тщательно следить за тем и убеждаться в том, что пациент действительно воспринимает. Если, например, пациент иллюзорно принял какое-нибудь изображение (наприм. рыцаря) за портрет своего отца то, конечно, нельзя ожидать, что он узнает это изображение в нормальном состоянии, особенно, если он не сосредоточивался на нем. Действительно же воспринятое остается ненарушимо в памяти и в этом смысле не существует забвения.

Психоанализ показал, что мы и не подозреваем в какой степени кажущееся забытым остается жить в нас. Даже воспоминания раннего детства всплывают вновь при применении психоаналитического метода. Фред восстанавливал самые подробные воспоминания, относящиеся ко второму году жизни. C. и W. Stern приводят случай, когда пятилетний ребенок стал употреблять такие слова местного наречия, которые он мог слышать только в полуторогодовалом возрасте. Во сне и во время транса нередко всплывают воспоминания относящиеся к далекому прошлому и совершенно ушедшие из области сознательных воспоминаний. Очень долго было распространено мнение, что воспоминания локализируются в определенных участках мозга и что при поражениях этих участков разрушаются и сами воспоминания. Думали, например, что нарушение словесной памяти зависит от поражения центров Брока и Вернике зрительной от поражения затылочной доли и т. д. Воспоминания не нарушаются, а только оттесняются силами другого рода и не могут воспроизводиться, но под влиянием благоприятных условий они могут вновь проявиться.

Итак, все то, что действительно пережито, становится неот'емлемой собственностью индивидуума, такой собственностью, которую не в состоянии отнять у него даже поражения мозговых центров.

Только с прекращением жизни исчезают воспоминания.

4. ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ГИПНОТИЗИРУЕМОГО.

Центр проблемы гипноза лежит в вопросе о соотношениях между гипнотизером и гипнотизируемым. Гипнотизируемый взирает на гипнотизера,—он безвольно подчиняется ему. Гипноз дает блаженство безусловной покорности, блаженное сознание присутствия власти, которой можно целиком довериться. Послушание гипнотизируемого носит инфантильный характер. Вспомним, что соотношения между представлением и восприятием у загипнотизированного и у ребенка аналогичны. Гипнотическое состояние — состояние безусловного подчинения авторитету. Люди, привыкшие к субординации,—юношеские, еще неопределившиеся характеры, солдаты мировой войны,—особенно легко поддаются гипнозу. Труд гипнотизера значительно облегчается побочными обстоятельствами, подымающими его авторитет в глазах пациента,—например известность, социальное положение, чин и т. д. Итак, отчасти гипноз основывается на человеческой склонности к подчинению авторитету.

Но кроме того гипноз имеет корни и в сексуальности [1]. Процедуры, способствующие наступлению гипнотического состояния: пассы, легкие поглаживания, размерная речь, „чарующий взгляд“, иногда грубый окрик — имеют эротическое значение. У загипнотизированных женщин часто удается поймать при засыпании (непосредственно перед засыпанием) и при пробуждении взгляд характерный и для эротического возбуждения или для эротического удовлетворения. Часто приходится слышать, что гипноз порождает приятное ощущение тепла во всем теле, при случае сознаются и в ощущениях сексуального характера. Часто эротическое возбуждение сосредоточивается на гипнотизере, который тогда становится непосредственным об'ектом любовных стремлений. Иногда эти эротические фантазии до того сгущаются, что у пациентки возникает ложное воспоминание о том, что гипнотизер будто бы злоупотреблял ее гипнотическим состоянием.

Очень интересный матерьял в этом направлении представляют собой случаи гипноза у животных. У пауков из породы

---

[1]) Оценивая аналогию проводимую здесь автором подобно другим психоаналитикам, нужно не забывать, что психоаналитическая концепция сексуальности гораздо шире обычной. (В. М.).

Daleades kaspicus turkestani самка пытается пожрать брачующегося самца и только в том случае, если самцу удастся вонзить клещи в определенном месте туловища самки—она неподвижно замирает и допускает акт совокупления. Это гипнотическое состояние самки можно вызвать искуственным образом в лаборатории, зажимая в соответственных местах ее тело пинцетом. Любопытно то, что этот опыт удается только во время брачного периода. Все это приводит к предположению, что и в человеческом гипнозе сексуальность играет роль вспомогательной биологической функции. Ведь и любовь порождает состояние безусловной преданности. Воля любимого—все для любящего. Чтобы понять, почему загипнотизированный способен на такие проявления, на которые не способен незагипнотизированный, необходимо вспомнить об необ'ятной силе полового влечения, этого наимощнейшего инстинкта человека. Фрейд доказал, что половой инстинкт не исчерпывается непосредственным половым актом, он пропитывает решительно все. Но как раз в этой области жизнь беспрестанно ставит препятствия нашим желаниям. Многие тщетно ищут всепоглощающей страсти может быть оттого тщетно, что инстинктивно нечто в них продолжает стремиться к самоутверждению, гипноз же дает наслаждение безусловной покорности, он осуществляет в действительности идеал безвольного послушания. Для загипнотизированного гипнотизер является только точкой опоры, поводом для выявления исконнейших желаний.

Однако существуют гипнозы не только мужчинами женщин, но и мужчинами мужчин, и эта форма отнюдь не противоречит приведенному взгляду. В каждом человеке дремлет однополая любовь. Иначе былобы не понятно, каким образом великие эпохи расцвета культуры могли ставить однополую любовь на одну доску с любовью разных полов. Психоанализ дает прямые доказательства к тому, что в каждом человеке имеются налицо гомосексуальные побуждения.

Гипноз—радостное самоотречение. Такого же рода положения мы встречаем и в явлении половой патологии, называемом мазохизмом. Здесь индивидуум находит наслаждение в глубочайшем самоунижении, в знак своей преданности с радостью принимает душевные и телесные истязания. Однако, нет такого мазохиста, который бы не обнаруживал черт и противоположного извращения — садизма. Садист находит сладострастное

удовлетворение в сознании абсолютной власти над своим сексуальным партнером и, причиняя ему боль, укрепляет это сознание. Это с первого взгляда кажущееся нелогичным соединение противоположных черт в одном человека указывает на общий психологический закон первостепенной важности; его можно формулировать так: любящий отожествляет себя с любимым, т. е. он принимает на себя переживания другого человека, воспринимая их, как свои собственные, и выявляет это отожествление в своих поступках. Черты садизма у мазохистов указывают на то, что мазохист хочет иметь свою долю в полновластии садиста, которому он подчиняется, как своему любовному идеалу. Так же и загипнотизированный хочет иметь свою часть в могуществе гипнотизера. Влюбленный, превозносящий свою возлюбленную, возвышает этим и самого себя. Теперь становится понятным тот исключительный интерес, который проявляет гипнотизируемый к тому чтобы наделить гипнотизера творческим могуществом, равным божественному. Волей своей он творит новый мир для загипнотизированного—в основе этого все то же стремление гипнотизируемого соучаствовать творческой силе гипнотизера. Это стремление приписать гипнотизеру творческую силу — в сущности ничто иное, как стремление вернуться к состоянию детства. Ребенок верит в творческую силу своей мысли и воли, он верит в возможность созидания из ничего. Но под напором жизненного опыта ему приходится отречься от этой веры, тогда он наделяет этой способностью тех людей, которых он любит и которым он охотно подчиняется. Подчинение ребенка авторитету родителей основано на любви. Эта любовь имеет свою физиологическую сторону, ибо и любовь ребенка питается из источников, заложенных в темных глубинах физических потребностей и в них черпает свои силы. Весьма характерно для любовных переживаний ребенка благоговейное преклонение перед богоподобным авторитетом любимого человека. Сексуальный мир загипнотизированного имеет много общего с сексуальным миром ребенка.

Я следую в этом отношени и взгляду Ferenczi: „Внушение и гипноз являются умышленным созиданием такого рода условий, при которых гипнотизируемый безсознательно сосредотачивает на гипнотизере заложенные в нем, как и в каждом человеке, склонность к слепой вере и детскому послушанию— остаток детской эротической любви и почитания родителей:

в обычном же состоянии эти склонности подавляются самоконтролем. Итак, корни гипноза надо искать в сексуальности“.

И в основе массовых движений мы находим те же силы, что и в основе гипноза. Человек, охваченный общим одушевлением становится лишь безвольным соучастником. Воинственное воодушевление 1914 г. захватило и противников войны. Трус и храбрец, робкий и смелый, все стали подобны друг другу, Индивидуальные особенности исчезли. В данном случае гипноз действует на те свойства, которые уже не обладают, или верней еще не обладают, индивидуальной выраженностью. Вот основные силы, проявляющиеся в религии, в образовании государства, в политическом развитии. Порыв массы требует и добивается безусловного подчинения, он является неограниченным властелином не только над поступками, но и над помыслами. Здесь проявляется сила инстинкта жизни. Отдельные личности в массе становятся по отношению к руководящей ими идее или к своему вожаку в совершенно особую зависимость. Под гипнозом же такие основные стремления проявляются в немного карикатурном виде. Я определенно отвергаю те плоские формулировки, которые видят в Христе нечто в роде гипнотизера или которые в об‘яснении могущественного влияния некоторых идей и личностей довольствуются выразительным словом „внушение“ [1]). Здесь поэтому дело идет о том, чтобы вскрыть существенные биологические направления влечений, аффективные основания духовной жизни человека, выражающиеся в любви, в массовых движениях и в гипнозе.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что психологическое состояние гипноза является состоянием возврата к недифференцированному. Это возвращение к более ранней ступени развития, пользуясь терминологией психоанализа — регрессия. В этом пункте результаты психологического анализа соприкасаются теснейшим образом с воззрениями, которые мы высказали относительно телесных основ гипноза. Мы предположили, что гипноз влияет на филогенетически и онтогенетически более древние образования и отражает самые первичные влечения. Теперь только становятся нам ясны причины галлюцинаций у загипнотизированного,—здесь жизнь влечений участвует в образовании картины внешнего мира. Вся наша организация

[1]) Здесь автор не аргументирует своего утверждения. (В. М.).

определяет то, что воспринимается нами из внешнего мира, и одну из существенных частей этой организации составляет жизнь наших влечений. Больше того можно сказать, что облик воспринимаемого нами мира созидается при участии инстинктов предшествовавших поколений, проявившихся в устройстве наших органов. Итак, гипноз действует на глубокие слои инстинктов и вызывает их к жизни; поэтому нет ничего удивительного в том, что образуется новый мир восприятий. Преобладание силы гипноза над решением воли зависит от того, что его действие обращается на глубокие вкоренившиеся в организме влечения. Разумеется, на ряду с этим существуют и свободные решения воли, исходящие из всей совокупности человеческой личности, решения воли, которые пробуждают для всей личности импульсы глубочайших инстинктов. Было бы ошибкой думать, что действие такой воли в физиологическом или психологическом отношениях отступают на задний план по сравнению с волей загипнотизированного.

5. ГИПНОТИЗЕР.

Какова же, однако, роль гипнотизера? Мы все время подчеркивали, что гипнотизируемый создает состояние гипноза из своих собственных инстинктов. Гипноз — проявление гипнотизируемого, а не гипнотизера. Гипнотизер является просто об'ектом на котором осуществляется инстинктивная установка (Tiebeinstellung) загипнотизированного, он олицетворяет собой об'ект любви гипнотизируемого, отеческую, государственную и божественную власть. Задача гипнотизируемого состоит в том, чтобы возвеличить до полубога своего гипнотизера,— гипнотизером же является тот, кто не слишком противодействует этой работе. Но гипнотизер не должен смотреть на себя как на носителя магических влияний. Влияние это заимствованное.

Ко всему сказанному прибавим, что действие врачебного гипноза ни в коем случае не может исчерпываться тем, что гипнотизер дает пациенту возможность удовлетворения своих примитивных потребностей любви и снимает эту задачу с симптомов [1]).

---

[1]) Согласно психоанализу до последнего времени симптом болезни трактовался как символическое удовлетворение желания. (В. М.)

Задача его гораздо шире, если только гипноз вообще должен давать терапевтические результаты, гипнотизер должен вывести своего пациета из состояния регрессировавшей дифференцировки (Rückdefferenzierten Zustand) и привести его к новым дифференцировкам. Перед ним лежит задача воспитания в самом высоком смысле этого слова, в смысле приведения своего пациента к возможному для него совершенству. Плох тот гипнотизер, который выступает в роли мага и чародея, держит своего пациента в унизительном состоянии детской зависимости, вместо того, чтобы вести его к самообладанию и новой дифференцировке.

Может явится мысль возражать против гипноза, как против возвращения к темному. бесформенному хаосу, но каждое крупное создание вновь связано с разрушением повседневной личности, с уничтожением („Entwerden"). Только тогда могут образующие силы создать новое.

Я вовсе не стремлюсь приписать гипнозу свойство подготовлять этически ценные творческие способности; для этого у загипнотизированного не хватит собственных сил и все проявления гипноза имеют, как я уже говорил, фатальное сродство с комедией. Хотя бы в самой малой степени, но загипнотизированный оставляет за собой право во всякое время отступать назад и свести на нет все действие гипноза. В этом уже имеется существенное различие между гипнозом и феноменами большой любви и большего воодушевления. Гипноз является только робкой попыткой возвращения к хаосу, ему не достает великого, свободного, безусловного самопожертвования (Hingabe). Тем не менее гипноз вполне заслуживает нашего внимания, ибо все, что достойно уважения в человеке находит себе в нем уменьшенное отображение.
